

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI 10.20339/AM.09-17.069

Е.Н. Сулима,
д-р филос. наук, проф.
Факультет глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
e-mail: krikun_86@inbox.ru

ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматриваются вопросы образовательной политики, которая предполагает системную, упорядоченную и устойчивую деятельность по регулированию различных взаимоотношений и практик, складывающихся в сфере образования. Показано, что для успешности реализации образовательной политики следует учитывать общий контекст ее формирования (исторический, социальный, экономический, этнический, религиозный и др.). Особое внимание обращено на такое специфичное, трудно поддающееся четкому описанию измерение образовательной политики, как геоцивилизационное измерение, характеризующееся, в частности, экспансией латиницы и арабики за счет пространства кириллицы, представляющей конфликтное измерение, характерное для эпохи «столкновения цивилизаций». Также представлен анализ главной геоцивилизационной проблемы России в сфере образовательной политики – проблема сохранения Евразийского «большого образовательного пространства».

Ключевые слова: образовательная политика, геоцивилизационное измерение, конфликтное измерение, столкновение цивилизаций, большое образовательное пространство, глобальная цивилизационная конкуренция, глобальная система знаний, глобализация, деглобализация, университет.

GEO-CIVILIZATIONAL DIMENSION OF MODERN EDUCATIONAL POLITICS

E.N. Sulima is Dr.Sci. (Philosophy), prof. at Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University

Discussed are issues of educational policy, that presupposes systemic, orderly and sustainable management of various interrelations and practices that develop in the sphere of education. The analysis demonstrated that successful implementation of educational policy should take into account the overall context of its formation, i.e. historical, social, economic, ethnic, religious and others. Special attention is paid to such specific and difficult in clear description dimension as geo-civilizational dimension, characterized in particular by expansion of Latin and Arabic at the expense of Cyrillic alphabet space, that represents conflict dimension, characteristic for the era of "clash of civilizations". Also presented is analysis of major geo-civilizational problem of Russia in the sphere of educational policy, i.e. the problem of preserving Euroasia "large educational space".

Key words: educational policy, geo-civilizational dimension, conflict dimension, clash of civilizations, large educational space, global civilizational competition, global system of knowledge, globalization, de-globalization, university.

Образовательная политика и ее специфика

Политика как таковая представляет собой особую сферу человеческой деятельности, связанную с подготовкой, обсуждением, принятием и осуществлением общественно значимых решений, опирающихся на авторитетные полномочия и связанных с распределением общественных благ как материального, так и нематериального порядка. Что же касается образовательной политики, то для понимания ее специфики следует прояснить специфику самого объекта, т.е. образования.

По словам В. Лугового, образование включает организованную, т.е. структурно и последовательно спланированную, и устойчивую, т.е. длительную и непрерыв-

ную, коммуникацию, направленную на обучение, а также различные формы неорганизованного обучения. Иначе говоря, хотя любое образование предполагает обучение, однако многие формы обучения не рассматриваются как образование (например, если обучение является случайным побочным продуктом какой-то другой деятельности, скажем, рабочей встречи и др.), поскольку «не имеют организованного характера, не являются результатом запланированного вмешательства с целью обучения» [1. С. 55]. Отсюда можно сделать вывод о том, что образовательная политика предполагает системную, упорядоченную и устойчивую деятельность по регулированию различных взаимоотношений и практик, складывающихся в сфере образования.

Образовательная политика интерпретируется как «сфера взаимоотношений индивидов, различных социальных групп с целью использования властных институций для реализации своих интересов и потребностей» [2. С. 623]. В этом случае субъектами образовательной политики предстают индивиды, социальные общности и социальные институты, а ее объектом — образование как общественное благо, интеллектуальный и материальный ресурс общества, система образовательных учреждений.

Как деятельность по обеспечению функционирования и развития системы образования таковая связана с отношениями между социальными группами по передаче новым поколениям накопленного социального опыта и трансляции культуры, обеспечению общества знаниями, необходимыми для его развития. Конкретные практики образовательной политики по-разному проявляются на уровне национального государства, региональном (например, образовательная политика ЕС) и мировом (например, образовательная политика Всемирного банка) уровнях.

И. Иванюк отмечает, что образовательная политика требует учета контекста и предыстории принятия политических решений в образовании. В ее основе лежат определенные ценности. Трудно представить политическое решение как ценностно-нейтральный феномен, создаваемый с чистого листа, без учета обстоятельств, в которых оно внедряется. Следовательно, для успешности реализации образовательной политики следует учитывать общий контекст ее формирования: исторический, социальный, экономический, этнический, религиозный и др. [3. С. 15–16].

Образовательная политика имеет много измерений. Как и любая другая, она разрабатывается заинтересованными группами, которые отличаются наличием власти и влиятельности. Поэтому образовательная политика напоминает «пирог» со многими разными ингредиентами, где интересы различных групп неодинаково представлены. Политические решения могут представлять ценности, которые разделяются большинством общества: они могут представлять ценности основных заинтересованных групп или тех лиц, которые непосредственно принимают решения. В любом случае сложно представить политическое решение, которое не основывается на ценностях.

Существуют две интеллектуальные традиции относительно того, как трактовать последствия образования. С позиции субъективного утилитаризма, люди сами решают, какое образование их удовлетворяет. Напротив, с позиции объективного утилитаризма, только группа экспертов может решить, что на самом деле является хорошим образованием. Соответственно, это различие во многом определяет и различие подходов к формированию образовательной политики. Во втором случае особенно явно просматривается идеологическая обусловленность образовательной политики, но и в первом случае таковая несвободна от распространенных в обществе идеологических настроений.

Образовательная политика — одна из сфер, где доминирующая идеология всегда проявляется в том или ином виде. Многовековое доминирование Запада исторически обусловило длительную ведущую роль либерализма в формировании образовательной политики и в западном

мире. Либеральная идеология рассматривает образование как способ эмансипации, в которой видится шанс на рациональное улучшение жизни. Важную роль образование играет в приобретении навыков и знаний, которые формируют политическую и гражданскую компетентности, социальный опыт и экономический рост. Либеральная образовательная политика направлена на обеспечение академической свободы, в частности свободы преподавания и обучения. Вместе с тем современные либералы считают целесообразным использовать вертикальную дифференциацию вузов на основе (или с активным применением) рейтингов, в которых видится механизм свободного рынка, а это усугубляет неравенство и концентрирует усилия на ограниченном числе вузов.

В полемике с либерализмом, но на одной общей почве с ним сформировалась социалистическая идеология. В ней важнейшую роль играет социальное равенство и справедливость, что непосредственно повлияло и на особенности соответствующей модели образования. Социал-демократическая идеология не принимает ранней профессионализации образования, распределения учащихся и дифференциации, выступает против основания элитарных школ. Социал-демократическая политика также направлена на привлечение к обучению детей с особыми потребностями иммигрантов, национальных меньшинств и других групп, которые нуждаются в дополнительной помощи и поддержке. Система образования для взрослых существует с целью предоставления взрослым возможности продолжать свое образование. В высшем образовании предпочтение отдается системе, поощряющей университеты хорошего качества по всей стране¹.

Идеология консерватизма рассматривает систему образования в первую очередь как средство передачи культурных ценностей молодежи. Школы сохраняют культурное наследие человечества и в то же время помогают сохранять национальную идентичность молодого поколения. Школы также играют роль социального отбора. Консервативная идеология способствует традиционному распределению школьных предметов, отдавая предпочтение предметам, которые наиболее подходят для передачи культурных ценностей, а именно национальной истории и литературе. Консервативная система образования подчеркивает важность нравственного воспитания и развития характера как способов передачи основных культурных ценностей и норм.

Воспитание патриотизма и любви к своему государству считаются важными компонентами консервативного образования. В образовательных учреждениях видятся островки социальной стабильности в современном быстроменяющемся обществе. Возможно, именно своего рода социально-консервативная модель может стать основой формирования устойчивой, сбалансированной, самобытной и при этом конкурентоспособной системы образования в России.

¹ Как отмечает в данной связи Э. Хазелкорн, «вместо того чтобы поднимать небольшое число элитных вузов до «мирового уровня», в ходе недавнего австралийского обсуждения проблем высшего образования решено было стремиться выстроить систему «мирового уровня» так, чтобы везде, где есть в этой стране студенты, в каком бы институте они ни учились, они получили бы образование высшего класса» [5].

Наряду с идеологическими факторами на образовательную политику существенно влияют экономические и социальные факторы. Е. Хоус в работе «Экономические изменения, формулировка образовательной политики и роль государства» выделяет четыре пути, которыми экономические факторы влияют на образовательную политику.

1. На таковую сильно влияют экономические условия.
2. Она часто формулируется с целью уменьшения стоимости и улучшения производительности образовательных учреждений.
3. Образование и экономический рост тесно связаны между собой.
4. Экономические концепции и метафоры проникли в образовательное мышление.

Этим воздействиям соответствуют четыре типа ошибок:

- ◆ непонимание экономической системы;
- ◆ непонимание системы образования;
- ◆ непонимание их взаимосвязи;
- ◆ неправильное применение экономических концепций [6].

Геоцивилизационное измерение образовательной политики

Среди ключевых экономических индикаторов, по которым оцениваются результаты образовательной политики, – валовой внутренний продукт (ВВП), валовой национальный доход (ВНД), в т.ч. на душу населения, распределение дохода, общий внешний долг, погашение внешнего долга, показатели торгового баланса.

Социальные индикаторы включают распределение общественных благ, долю населения за чертой бедности, индекс бедности, демографические показатели, в т.ч. прирост населения, показатели урбанизации, коэффициент рождаемости, расходы на здравоохранение на душу населения, уровень грамотности, общее число обучающихся, государственные расходы на образование (в процентах от ВВП), уровень образования взрослого населения, общее количество безработных (процент трудовых ресурсов), в т.ч. среди молодежи, индекс человеческого развития, индекс гендерного развития, различие социальных индикаторов в соответствии с особенностями географического положения, пола, этнической принадлежности, религии, языка и особых потребностей.

Если экономические и социальные аспекты в значительной степени поддаются систематизации и измерению, а влияние идеологической составляющей непосредственно проявляется в содержании политического курса в сфере образования, то одним из специфических, трудно поддающихся четкому описанию измерений образовательной политики является геоцивилизационное измерение. Прежде всего следует разобраться, чем таковое обусловлено.

Детерминанты образовательной политики не исчерпываются экономикой, социальной сферой, идеологическими установками и соотношением политических сил. Не менее важное значение имеют такие устойчивые к текущим изменениям факторы, как цивилизационный код, геополитическая идентичность и обусловленные ими жизненно важные интересы. Речь не обязательно идет о национальных инте-

ресах, но часто об интересах трансграничных сообществ, ориентирующихся на элитарные группировки в ведущих государствах современного мира².

Поскольку одним из ключевых факторов современного международного лидерства является контроль над умами, над сознанием, то образовательной политике уделяется важнейшее внимание в обостряющейся глобальной цивилизационной конкуренции. Она связана с соперничеством за определение доминирующей модели мирового развития и в ней сталкиваются прежде всего стержневые государства основных цивилизаций. В связи с этим они крайне заинтересованы в укреплении своих позиций в системе образования третьих стран. И это касается не только, например, сегодняшнего влияния западных держав на Украину. Весьма сильным является влияние Турции на образовательную политику государств Центральной Азии и Закавказья, которое подспудно, с помощью инструментов мягкой силы, воплощает концепцию «Великого Турана».

В первую очередь это касается пяти тюркских государств – Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана. Еще в 2007 г. в Баку прошел XI съезд тюркских народов, на котором была принята рекомендация о создании единого тюркского языка (разумеется, на основе турецкого). Сегодня в Узбекистане, Туркмении и Азербайджане алфавиты уже латинизированы.

Из трех этих стран опыт Азербайджана считается более позитивным: русский язык сохранил там определенные позиции. Но все равно тотальная латинизация привела к тому, что граждане стали меньше читать, а большинство технической документации, написанной на кириллице, было утеряно. Лидером же в ликвидации высшего русскоязычного образования и в целом в культурно-образовательном дистанцировании от России стал Туркменистан, где из 150–200 детей лишь 5–6 владеют разговорным русским языком. К началу 2000-х гг. во всех вузах страны обучение было переведено на туркменский язык, а большинство кафедр русского языка закрыты. На этом фоне на первый план вышло турецкое влияние.

Сейчас в повестке дня программы латинизации оказался Казахстан. В декабре 2012 г., представляя программный документ «Стратегии Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства», президент Н.А. Назарбаев поставил задачу подготовки перевода казахского языка на латиницу, отмечая, что это «послужит не только развитию казахского языка, но и превратит его в язык современной информации». А 12 апреля 2017 г. Н.А. Назарбаев обозначил сроки языковой реформы, поручив составить конкретный график осуществления таковой³.

² Так, например, в борьбе за доминирование в образовательной политике Украины с первых лет независимости соперничали заинтересованные группы, ориентированные на США, Германию, Польшу и Россию. По сути, система образования этой страны имела такой же противоречивый, «многовекторный» характер, как и внешняя политика, так что отдельно взятое руководство ведомства в отведенный ему период могло лишь пытаться склонить этот баланс в ту или иную сторону, вызывая неприятие оппонентов. К тому же образовательная политика практически все время зависела от колебаний внешнеполитического курса.

³ До конца 2017 г. должен быть разработан стандарт алфавита, с 2018 г. начата подготовка соответствующих специалистов. Полностью же отказаться от кириллицы страна должна к 2025 г.

Поддерживающая такой курс, значительная часть интеллигенции Казахстана воспринимает латинизацию как символический выход из культурного пространства России и «деколониацию», выбор в пользу открытого и глобального мира. Но, как бы к этому ни относиться, переход на латиницу справедливо рассматривается как цивилизационный выбор.

Критики такой политики в лице группы из 66-ти деятелей культуры еще в феврале 2013 г., после обнаружения тезиса о переходе на латиницу, обратились к президенту и правительству Казахстана с открытым письмом, в котором отмечали, что «до нынешнего дня в республике издан почти миллион наименований книг, научных трудов о древней и последующей истории народа, его культуре, духовных ценностях и уважающих наши нравственные основы, литературу и науку. Ясно то, что с переходом на латиницу наше юное поколение окажется оторванным от истории предков, духовного разума и рассудительности, зафиксированных в напечатанных кириллицей изданиях». Для авторов обращения «удивительно, что многие не понимают, что находящийся в затруднительном положении язык ослабевает всякий раз со сменой алфавита» [7], и это при том, что уже сейчас до половины казахов не умеют читать и писать на родном языке.

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что неизменность языковых норм является важнейшим условием сохранения непрерывной культурной традиции и открытого доступа к культурному наследию прошлого. Достаточно напомнить, что одной из основных причин неприятия французы время от времени выдвигаемых проектов языковой реформы (функционально вполне обоснованной сложностями французской грамматики и ее несоответствием фонетике) как раз и является понимание неизбежных негативных последствий культурного разрыва с текстами прошлого.

В русском языке ведь тоже в начале XX в., казалось бы, лишь изъяли несколько «лишних» букв. И как много людей, для которых русский является родным языком, сейчас способны свободно читать и понимать дореформенные тексты, не говоря уж о более ранних, средневековых? В ситуации стран Центральной Азии нельзя не учитывать еще и того обстоятельства, что если латинизация вызовет хотя бы кратковременный вакуум в культуре и образовании (а это представляется практически неизбежным и будет связано с элиминацией текстов, относящихся к советскому периоду с его секулярной системой ценностей), его незамедлительно заполнят исламисты.

Латиница и евразийское пространство

Переход на латиницу будет способствовать более тесному вхождению Казахстана в тюркский мир, несмотря то что сегодня представители казахстанской власти настойчиво подчеркивают: языковая реформа никак не скажется на отношениях Москвы и Астаны. Однако население опасается, что лингвистические нововведения приведут к сужению использования русского языка и массовому уходу из Казахстана этнических русских. Между тем официальные лица России по этому вопросу практически не высказываются.

Эффекту домино в этой сфере может быть подвержена и Киргизия. Буквально вслед за апрельским заявлением казахстанского президента на заседании Жогорку Кенеша (киргизского парламента) депутат от фракции партии «Ата Мекен» К. Иманалиев заявил, что кириллический алфавит мешает Киргизии развивать технологии, является препятствием на пути модернизации страны. А другой депутат А. Нурбаев предложил в ближайшее время провести референдум по языковому вопросу.

Для Киргизии тема нова. Ее затрагивали еще 3 апреля 2008 г. во время встречи тогдашнего президента К. Бакиева и министра образования и науки республики И. Болжуровой. Тогда они сошлись во мнении, что обсуждать данный вопрос преждевременно, а следует уделять больше внимания сохранению имеющейся образовательной базы. Тогдашний министр прямо констатировала, что переход алфавита на латиницу повлечет за собой появление огромного слоя безграмотных людей. Однако, судя по всему, эта тема будет активно продвигаться. Тем временем соседний с Киргизией Таджикистан подумывает о возвращении к арабике, которая используется родственными таджикам персами.

Таким образом, создаются реальные предпосылки выпадения всей Центральной Азии из формировавшегося Россией на протяжении столетий евразийского культурно-исторического пространства.

Как известно, важнейшими основами, обеспечивающими сохранение общности государств и народов постсоветского пространства, являются общее энергетическое пространство, общее оборонное пространство и общее культурное (в т.ч. образовательное и информационное) пространство. Сегодня мы наблюдаем стремительное углубление эрозии той культурной общности, основа которой — использование русского языка и кириллической письменности. Это очень серьезный сигнал, требующий не только размышления, но и принятия адекватных решений.

Именно письменность обеспечивает культурно-историческую общность использующих ее народов, поддержание и передачу от поколения к поколению культурного наследия. Общность письменности имеет особое значение для модернизированного сообщества, которое не объединено одной религией. Так, латиница является основой культурного единства Запада, несмотря на различия религиозные (католики и протестанты) и этнические (романские, германские и западнославянские народы). То же касается и роли арабской письменности, и роли китайских иероглифов и др. Сегодня мы видим экспансию латиницы и арабики, осуществляемую за счет пространства кириллицы. По сути это еще одно конфликтное измерение, характерное для эпохи «столкновения цивилизаций».

Да что говорить, если после известных украинских событий 2014 г. даже среди украинской общественности стали звучать идеи перевода языка на латиницу, пропагандируется т.н. «українська латинка». И это на земле с более чем тысячелетней непрерывной культурной традицией, основанной на кириллической письменности. Возникло движение «Latynka.tak», которое довольно активно популяризуется, особенно на западе Украины. Во Львове на эту тему проводятся круглые столы и другие мероприятия.

Такого рода идеи высказывались, между прочим, и ранее, в 2012 г., со ссылками на примеры польского, чешского, словацкого языков и даже сербского языка, где в последние годы кириллица вытесняется латиницей. Конечно, в сравнении с центральноазиатскими странами у сторонников латинизации куда меньше шансов на успех, но они вполне могут стать дополнительным фактором сильнеешего культурного раскола, если все-таки удастся разжечь пожар религиозно-го конфликта, к чему прямо толкают общество известные законодательные инициативы в отношении ограничения прав канонической православной церкви.

Еще одним важным аспектом гецивилизационного измерения образовательной политики является образовательная интеграция, понимаемая как мощнейший инструмент «мягкой силы». Как известно, тот же самый Болонский процесс есть не что иное, как инструмент утверждения международной конкурентоспособности европейской системы образования, прежде всего по отношению к американской, и это предполагает формирование привлекательности европейских культурных ценностей и идеалов для других стран. В этом проявляются традиции европоцентризма, стремление к культурной экспансии в отношении западных обществ и типичная практика «неэквивалентного обмена». Как раз в таком (гецивилизационном) измерении Болонский процесс обычно не рассматривался, на первый план выдвигались технологические возможности, академическая мобильность и др. Но сегодня на примере Украины мы видим, что отсутствие своего рода протекционистских мер в сфере образовательной политики ведет к разрушению национальной системы образования посредством «вымывания» перспективной молодежи прежде всего польскими вузами, пользующимися условиями Болонской системы. Сегодня это касается уже не только западных областей, но и остальной территории Украины. В отношении остающихся в стране абитуриентов введена специфическая система распределения бюджетных мест («место следует за студентом»), выгодная только наиболее крупным вузам и оставляющая провинцию на произвол судьбы. А это создает угрозу ущерба традиционным академическим ценностям, миссии вузов и обществу в целом.

На все эти процессы следует посмотреть и в более широком, глобальном контексте. Профессор Бостонского университета Ф. Альтбах в работе «Тенденции глобального высшего образования: основные направления академической революции» (2009) в качестве ключевых факторов, которые влияют на глобальное образовательное пространство, называет «возникновение глобальной системы знаний, в которой коммуникация становится прозрачной, а результаты исследований и другая информация легко распространяются по всему миру, использование английского языка как главного мирового языка научного общения, экспансия информационных технологий» [8].

Если попытаться оценить эти тенденции с позиций сегодняшнего дня, то увидим, что бесспорна лишь третья тенденция. В отношении первой следует сказать, что глобальная система знаний отнюдь не равна мировой или всемирной — также как глобальная экономика не тождественна мировой экономике. Углубление социальных

и культурных расколов ограничивает доступ к глобальной системе знаний для огромного большинства населения, погружающегося в пучину неоархаики, что особенно характерно для лимитрофных государств. Этому способствуют сокращение школ и преподавателей, внедрение новых, прямо скажем более примитивных, стандартов (как это можно особенно явно увидеть в новых украинских стандартах школьного образования, объединяющих в один предмет физику, химию и биологию и превращающих учителя в своего рода аналога «семейного врача», обладающего широким кругом весьма ограниченных знаний). На этом фоне получает развитие элитарное образование, недоступное малообеспеченному большинству. Эти тенденции чреваты острыми социальными конфликтами. Начавшись со школьного образования, они неизбежно вызовут серьезные последствия для высшего образования и для сферы науки.

Что же касается тенденции использования английского языка как главного мирового языка научного общения, то хотя какое-то время она еще будет сохраняться, в отношении ее будущего также есть сомнения. Связаны они, в частности, с тем, что с выходом Великобритании из ЕС (если ничто не помешает его завершению) в ЕС не будет англоязычных стран и исчезнет политическая целесообразность использования английского языка в качестве «лингва франка». Поэтому не сразу, но со временем его позиции ослабнут сначала в системе школьного образования, затем — высшего, и наконец, в сфере науки. Усиление же напряженности по линии противостояния между Западом и остальным миром (которое, стоит напомнить, С. Хантингтон определил как главное противоречие современной эпохи) также способно создать ситуацию, в результате которой позиции английского языка будут существенно ограничены. Да и в самих США естественным образом уже спустя пару десятилетий испанский язык, как ожидается, выйдет на первое место. В целом же речь вообще идет и о том, что на смену глобализации приходит деглобализация, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Заключение

Подытоживая сказанное, следует акцентировать внимание на том, что главной проблемой для образовательной политики России в ее гецивилизационном измерении, как представляется, является проблема сохранения евразийского «большого образовательного пространства». По сути это наиболее сложная проблема, т.к. в этой сфере можно сравнительно быстро утратить позиции (что и происходит), но восстанавливать их придется очень долго, да это и не всегда будет возможно. И прежде всего Россия должна безотлагательно решить, необходимо ли ей вообще это «большое образовательное пространство», если да, то в каком формате и какие усилия государство готово предпринять для его сохранения и защиты.

Как представляется, здесь государственная власть должна действовать в партнерстве с ведущими университетскими центрами России. В последнее время часто ставят вопрос о том, для чего нужен университет сегодня. В рассматриваемом контексте его следует переформулировать

так: для чего нужны университеты современной России, претендующей на роль мировой державы? Именно такая постановка вопроса позволяет пересмотреть прежнее глубоко инструментализированное отношение к университету и к системе образования в целом, основанное на т.н. «четырёх К»: коммерциализации, коммодификации, корпоративизации и конкуренции.

Сколь известно, классический университет и национальное государство исторически тесно связаны. Университет обеспечивал создание национальной идентичности, а государство обеспечивало защиту действий университета. В период кризиса суверенитета национального государства происходит утрата университетом ощущения собственной миссии. Высшее образование оказалось полностью подчиненным рыночным принципам, в этом проявилась всеобщая логика тотализации капитализма, которую ярко описал А. Зиновьев.

Глобализация требует уделять всё больше внимание административной составляющей, которая направлена на интеграцию рынка знания и создания космополитической идентичности. На это, в частности, направлен Болонский процесс. Между тем миссия университета — нести жизненный принцип, глубоко укорененный в национальную культуру. И хотя она и преподносится как некий анахронизм, на самом деле ее актуальность исключительно возрастает именно в условиях глобальной цивилизационной конкуренции.

Однако важнейшим препятствием на пути реализации этой миссии сегодня представляется то, что университет теряет свою автономию (а значит, и возможность быть партнером государства в формировании эффективной образовательной политики), поскольку его организация начинает ориентироваться на критерии соответствия принципам извлечения прибыли. Университет, таким образом, пытается подстраиваться под требования униформистского потребительского общества: «Сегодня партнер (собеседник, заказчик) университета, — пишет М. Манацкий, — это уже не национальное государство, амбициозное и агрессивное. Сегодня это индивид, который слабо связан с родиной, но еще слабее с космополитическим этносом à la Кант. Это потребитель, эгоист» [4. С. 11].

Литература / References

1. Луговий В.І. Проблема понятійно-термінологічного стандарту в моніторингу якості освіти. *Вища освіта України*. — 2007. — Т. 7. — С. 53–60.
2. Луговий, В.І. The problem of the conceptual-terminology standard in monitoring the quality of education. *Higher Education of Ukraine*, 2007, vol. 7, pp. 53–60.
3. Енциклопедія освіти. Київ, 2008.
4. Encyclopedic of Education. Kiev, 2008.
5. Іванюк І.В. Освітня політика. Київ, 2006.
6. Іванюк І.В. Educational policy. Kiev, 2006.
7. Маяцкий М. Университет называется // Логос. — 2013. — № 1. — С. 4–17.

Ориентация на потребителя обуславливает упрощение учебного процесса, утрату его универсального характера, прежде всего за счет вытеснения гуманитарных дисциплин (а предназначение университета как раз в подготовке «универсанта» — всесторонне и гармонично развитой личности, обладающей широким кругозором, а не только узкоспециализированными знаниями). В широком смысле это ведет к превращению высшего образования в «образовательную-квалификационную машину», лишенную морального авторитета и социального престижа. Такое образование не может быть привлекательным, и тем более такая модель образования не может успешно конкурировать с другими, уже занявшими ключевые ниши в мировом образовательном пространстве.

Эксперты ЮНЕСКО справедливо констатируют: «вопросы, касающиеся учебных программ и целей высшего образования, особенно актуальны в развивающихся регионах, где формирующаяся рыночная экономика требует не только специалистов, подготовленных для научно-технических профессий, но и сильных лидеров, которые обладают широким знанием, творческим потенциалом, легко адаптируются и способны дать всестороннюю этическую оценку социальному развитию» [8]. Этот тезис особенно актуален для постсоветского пространства.

Однако решить данную задачу можно лишь на основе выработки самобытной и одновременно эффективной и современной модели образования, учитывающей геоцивилизационные особенности наших стран. Разумеется, ключевым здесь опять оказывается вопрос о том, нужно ли России свое «большое образовательное пространство» либо же предпочтительнее просто развивать международный образовательный бизнес за счет привлечения широкого контингента студентов из самых разных стран мира. Это существенно отличающиеся подходы.

Последствия их тоже существенно отличаются. К тому же, как представляется, то же самое сокращение пространства кириллицы и сужение использования русского языка в «ближнем зарубежье» не может не сказываться на глобальной привлекательности русского языка, а значит, и на обучении в России представителей стран «дальнего зарубежья».

5. Hazelkorn, E. Impact of Global Rankings on Higher Education Research and the Production of Knowledge. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001816/181653e.pdf>
6. House, E.R. Economic Change, Education Policy Formation and the Role of the State. Buckingham, 2000, pp. 13–19.
7. URL: <http://www.amic.ru/news/209327/>
8. Altbach, P. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. Executive Summary. A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001831/183168e.pdf>